

ИСПРАВЛЕННАЯ ЛЕТОПИСЬ

Книга первая
СПАСТИ МОСКВУ

Книга вторая
ТАЙНЫ МИТРОПОЛИТА

Роман Злотников

Михаил Ремер

ИСПРАВЛЕННАЯ ЛЕТОПИСЬ

**ТАЙНЫ
МИТРОПОЛИТА**

МОСКВА
2015

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
3-68

Разработка серии *Ф. Барбышева, А. Саукова*

Иллюстрация на обложке *И. Хивренко*

Злотников, Роман.

3-68 Исправленная летопись. Книга вторая. Тайны митрополита / Роман Злотников, Михаил Ремер. — Москва : Издательство «Э», 2015. — 416 с. — (Новый Злотников).

ISBN 978-5-699-82754-1

Школьный историк Николай Булыцкий — в далеком прошлом. Один и без оружия в мире Древней Руси, немолодой уже наш современник готов словом и делом встать на пути монгольских орд. Не всем по душе задуманная им «индустриализация» в XIV веке, но человеку, добившемуся покровительства Дмитрия Донского и Сергия Радонежского, под силу еще и не такое...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Злотников Р., Ремер М., 2015
© Оформление. ООО
«Издательство «Э», 2015

ISBN 978-5-699-82754-1

ПЕРВАЯ ЧАСТЬ

Удивленно оглядываясь по сторонам, Николай Сергеевич вдруг понял, что оказался посреди едва освещенной сцены, заваленной непонятным хламом. Широко расставив руки, преподаватель двинулся по направлению, как ему показалось, зияющего выхода, но тут же, запнувшись, кувыркнулся на деревянный пол.

— Чтоб тебя! — отплевываясь, сквозь зубы выругался Булыцкий. — Ни бельмеса ведь не видать!

— А ты диковин дай, — раздался прямо над ухом чей-то вкрадчивый голос.

— Чего?! — Пенсионер развернулся на звук, и тут же тишину пустого манежа распорола резкая барабанная дробь. С противными щелчками один за другим ожили мощные прожектора, залившие сцену ярким светом. Сам не ведая как, пришелец из будущего — Николай Сергеевич Булыцкий, преподаватель труда и, по совместительству, истории Красноармейской средней школы, человек уже почтенного возраста и статуса, ока-

зался в центре огромной сцены, заваленной чертежами, фрагментами невиданных конструкций и прочей невидалью. И вдруг он стал выполнять невероятной сложности пируэты перед застывшими в совершенно нелепых позах, оскалившимися не то людьми, не то демонами. Понимая почему-то, что нельзя ни в коем случае остановиться, подбадривающие окрики Дмитрия Ивановича Донского — великого князя Московского, выряженного почему-то в нелепый наряд конференсье, Булыцкий вынимал — то из-за пазухи, то из идиотского фасона шляпы, а то и просто из воздуха — кроликов, птиц каких-то, а то и, о чудо, настоящую пушку!

Выкрики князя становились все задорней и задорней, рев толпы все громче и громче и, подчиняясь неведомой силе, Николай Сергеевич, задышавшись, все быстрее и быстрее извлекал из всевозможных шляп, мешков и торб зверьков, птиц, какие-то предметы, а то и просто цветастые ленточки. Не выдержав, он, схватив один из мешков, перевернул его и, крича что-то в лицо Дмитрию Донскому, разом вытряхнул из него целую гору безделушек и цветастых фантиков, приведя в восторг бородатого конференсье.

— Все, князь, — без сил опустившись на пол, прохрипел Булыцкий. — Умаялся.

— Ну, как же, Никола? — строго, по-отечески и, как показалось Николаю Сергеевичу, с укоризной

посмотрел на него великий князь Московский. — А Русь-то как же? Пропадай, да?! Ты, уж, не обес-судь, еще покажи чего. Диковин дай!

— Ди-ко-вин! Ди-ко-вин! — азартно взвыли зрители.

— Ну не колдун я! — взмолился в ответ тот. — И так больше дал, чем сам ведал! Вон, ведь по наитию половину сладили!

— Ну, как же, Никола? — продолжал увещевать князь. — Мы все очень просим: дай диковин. Ведь так?! — замахнувшись невесть откуда взявшимся мечом, прикрикнул он.

— Просим, просим, просим! — завелась тол-па. — Дай ди-ко-вин! Дай ди-ко-вин! — скандиро-вали зрители, и по мере того, как они заводились, пятно света, выхватывавшее ранее только первые ряды, постепенно расширялось, показывая все новые и новые лица. — Ди-ко-вин про-сим! Ди-ко-вин дай! — орали всех мастей князья и прочие посетители, не вставая, впрочем, с мест. Только теперь пенсионеру стало ясно, что причина их неподвижности — столбы, к которым они накреп-ко привязаны были.

— Дмитрий Иванович, князь, да что же это?! — Булыцкий пораженно уставился на князя.

— Это — гво-о-о-о-оздь сего-о-о-о-о-одняш-ней про-о-о-о-ограммы! — растягивая гласные, залихватски проорал конференсье. — Встречайте! Тох-та-мы-ы-ы-ыш!!! — перекрикивая звон ли-

тавр, выкрикнул князь. Толпа радостно взревела, и на сцену на смешном детском велосипеде выкатил правитель Золотой Орды. Одетый в нелепое обтягивающее трико, он, под восторженный рев зала, проехался на своем драндулете по манежу и замер, глядя в упор на князя.

— Что происходит? — обалдело вертел головой преподаватель, не понимая, что это за фарс и какое, собственно, место в нем выделено ему: Николаю Сергеевичу Булыцкому.

— Дай ди-ко-вин! Дай ди-ко-вин!!! — орал зал, заводимый Дмитрием Ивановичем.

— Диковин дай, чужеродец, — громко прошипел кто-то за сценой. Булыцкий, повернувшись, тут же подался назад: прямо на него ехал Тохтамыш. Вот только детский велосипед каким-то невероятным образом превратился в каток, грозящий смять и перемолоть все до единой косточки перепуганному трудовику.

— Оставьте меня в покое!!! Все!!! — закрываясь руками, проорал учитель.

— Никола! Никола! Очнись ты! — хлесткая пощечина привела его в чувства, разогнав остатки сна.

— А? Что? — подскочив на топчане, прохрипел очнувшийся Булыцкий.

— Никола, угомонись! Что с тобою?!

— А, Ждан, — тяжело выдохнул Николай Сергеевич. — Все в порядке. Сон дурной, — помотал он

головой. Сердце колотилось, липкий пот противной пленкой покрыл спину, мелкая дрожь волной прошла по всему телу.

— К Сергию бы тебе, исповедаться, — мягко улыбнулся парень. — Душит тебя что-то. А почему? А потому, что душа светлая. Вот и хотят ее черти к рукам прибрать.

— Какие черти? — Булыцкий обалдело уставился на собеседника.

— Те, что в геенне огненной, — посмотрел внимательно парнишка. — Им душа ежели чистая на земле рождается, так и покою нет. Все успокоиться им не можно, пока не изведут. А почему все? Да потому, что не можно им мыслить даже о том, что Царство Божие на земле наступит.

— А Сергей что? Не чистая душа, что ли? — прохрипел пенсионер. — Его черти не трогают, да?

— У Сергия — щитом золотым кротость его, да мечом огненным — молитва. У тебя же — буйство твое да гордыня. Так то — чертям нажива славная.

— А, ну да, — вяло кивнул пришелец. Напряжение прошло, и теперь снова навалилась усталость вперемишку с апатией какой-то.

— К Сергию, к Сергию тебе надобно. Исповедаться.

— Посмотрим, — проворчал в ответ хозяин кельи, поудобней устраиваясь на топчане. Ждан же ничего не сказал больше, лишь укоризненно взглянул на собеседника.

В этот раз заснул быстро; дала о себе знать усталость. Впрочем и теперь не получилось отдохнуть. Едва только глаза слиплись, снова терзать видения начали. Теперь уже — Зинаида, супруга покойная; но не такая, которой ушла, а молодая. Как в студенческие годы: тихая застенчивая девушка, с длинными русыми волосами, собранными в косу. И он, — пожилой уже человек, забыв про все, откинув в сторону откуда-то возникшего Милована, бросается к девушке. Вот только, подбежав, понял он, что не Зинаида это.

— Кто ты? — обалдело спрашивает у девушки Булыцкий, но та, лишь молча улыбаясь, смотрит куда-то в пол. — Звать тебя как, душа-девица? — делая шаг вперед, повторяет свой вопрос Николай Сергеевич. — Откуда? Откуда такая?

— Сиротка я, — не поднимая глаз, мелодичным таким голосом отвечала она. — Дворовым везде обидя.

— Так и что?

— Так и то, что буен ты слишком. — Резко обернувшись, пришелец уперся взглядом в появившегося рядом князя. — И Киприану с тебя — забота вечная, и мне.

— Чего?! — Оторопевший преподаватель отпрянул было назад, но спиной уперся в невесть откуда возникших Тверда и еще какого-то неизвестного ему служителя.

— Ты, Никола, сватов-то засылай, и Господь с тобой, — склонив голову, чуть улыбнулся Тверд.

— Ты, Никола, давай, деток расти да ни о чем худом не помышляй. Знай себе, диковины давай, а от Тохтамыша мы, даст Бог, отобьемся.

— Какой Тохтамыш? Какие детки? Где диковины я вам возьму?!

— Угомонишься, может, да не в свои дела лезть перестанешь, поперек всех-то. Да и князю больно нужен. — Возле князя возник еще один человек, облаченный в рясу, и в нем, хоть и не без труда, но признал Николай Сергеевич того самого старика, с которым схлестнулся в покоях у Дмитрия Ивановича — митрополита Киприана. Тот, держа под руку еще одну девушку, вернее, уже возрастную даму, легонько толкнул ее навстречу пожилому человеку.

— Владыка? — пенсионер обалдело уставился на старца.

— Оно детки как появятся, так и хорониться не надо будет, — улыбаясь, пел митрополит.

— От кого хорониться? — проследив за взглядом оппонента, Булыцкий увидел тяжелую цепь, тянущуюся от ноги женщины к его лодыжке.

— Ты, Никола, больно уж буен, — услышал он голос Тверда. — Баба нужна тебе, угомонился что-бы. Вон Алена тебе — самый лад; и хороша, и вдова, — деловито надевая замок на ногу пенсионера

и проверяя, надежно ли захлопнулся, продолжал дружинник.

— Ты, паче чем лаяться да буянить, делами, княжеству угодными займись, — кивнул головой князь. — А то все успеть хочешь: и по дому хозяин, и в делах ладен.

— Все такие бойкие в грядущем-то твоём? — улыбнувшись, снова пропела девушка.

— Да нет. Только те, которых к вам пророками присылают, — совсем уже растерявшись и не зная, кому отвечать поперву, невесело буркнул тот. В ответ никто и не нашелся что сказать.

— Кручинишься по своим, да? — прерывая неловкую паузу да глядя в упор на пожилого человека, негромко поинтересовалась Алена.

— Кручинюсь, — честно признался тот.

— А твоя женщина, она красна была?

— Красивая, — совсем тихо отвечал Булыцкий.

— Красней меня?

— Ты, Никола, времени не теряй! — сверкнув очами, повысил голос владыка, слушавший эту беседу. — Русь православную с колен поднимать да мечи против Орды ковать. Чуда ждем от тебя.

— Затяжелела я, — подняв глаза, улыбнулась вдруг женщина.

— В кулак собрать всех в единый! Так, чтобы ни одна шельма даже нос не казала! — гневно выкрикнул князь. Ворочая головой, Булыцкий

переводил взгляд с одного присутствующего на другого, пытаясь понять, а что это: сон, или же он просто-напросто рехнулся?

— Ты, — добавил масла в огонь Тверд, — Никола, не кручинься почем зря. Ладная она девка. И хозяйка по дому, и еще много где умелица.

— И митрополита Московского Киприана благословение — вам в помощь, — улыбнулся старик, осеня знамением оказавшихся рядом Алену и преподавателя.

— Постой, Киприан, — замахал руками тот. — Не дело так! Хоть у меня да у нее спросил бы кто, а? Воля-то наша какова?!

— То при грядущих князьях — срам да смех. Ноне как князь скажет — так и воля ваша будет. На то и князь.

— Дело Киприан говорит, — добавил князь. — Вон, специально пришел, вас благословить.

— Чего?!

— Свадьбу отгуляете, и берись за диковины свои, нечего тебе делами бабскими маяться. И гляди мне: не буянь!

— Да что, черт подери?!

— Никола?! Никола! Никола!!! — Картинка, задрожав, рассыпалась на миллион мелких частичек, и перед глазами замаячил уже знакомый силуэт Ждана. — Никола! — Парень, пытаясь добудиться, тряс пенсионера за плечо.

— Пусти ты, черт! И так болит все, — просто-

нал трудовик, с трудом поднимаясь на жестком ложе. — Да за что ж мне это?! — смахивая пот со лба, выдохнул он.

Последние несколько дней оказались богатыми на события; испытания первого изготовленного в Московском княжестве тюфяка¹, контузия, разлад между пришельцем и князем Дмитрием...

Да тут надо бы по порядку.

¹ Тюфяк — огнестрельное короткоствольное орудие, стрелявшее металлической или каменной дробью. Тюфяки в отличие от пушек не отливали, но делали из металлических листов.

ВТОРАЯ ЧАСТЬ

Лето уходило. Отводя беззаботные солнечные хороводы, оно, вдруг разом состарившись до брзжащей и вечно недовольной старухи-осени, пролилось на еще не успевшую остыть землю обильными дождями. За ними прилетели холодные ветра, оборвавшие листву с деревьев. Небо заволгло тучами, и теплые деньки сменились бесконечным, усиливающимся день ото дня ненастьем.

Один из самых непогожих дней выпал именно на сегодня: хмарь, ледяной пронизывающий ветер и нудный, мелкий не то дождь, не то снег, зарядивший с самой ночи. Казалось, в такую погоду должно сидеть в избе у очага да носу не казать на улицу, занимаясь домашними делами. Однако даже в такое ненастье, сквозь шум осенней непогоды из чащи доносились чьи-то взбудораженные перекрикивания. Именно на эти голоса, опираясь на крепкую палицу, и ша-